

## НЕАУТЕНТИЧНАЯ НЕВЕЖЛИВОСТЬ И ЯЗЫКОВАЯ ИГРА

UNAUTHENTIC POLITENESS  
AND LANGUAGE GAMES

E. Baev

*Summary:* The article deals with the possible connection between two linguistic phenomena: language games and unauthentic impoliteness. It describes the main approaches to the interpretation of these concepts and indicates the factors that bring two linguistic phenomena closer together: conscious violation of the linguistic norm; the fact that both linguistic phenomena tend to be used to form impoliteness in an unusual context; messages with language game and with inauthentic impoliteness are both aimed at eliciting similar reactions; both phenomena occur in similar types of social context. The article also includes a description of the results of a linguistic experiment that also indicate the existence of a connection between language games and inauthentic impoliteness.

*Keywords:* pragmatics, linguistic (im)politeness, politeness, impoliteness, unauthentic impoliteness, inauthentic impoliteness, language game.

**Баев Евгений Владимирович**  
Аспирант, Московский городской  
педагогический университет  
BaevEV@mgpu.ru

*Аннотация:* Статья посвящена вопросу связи двух языковых явлений: языковой игры и неаутентичной невежливости. Описаны основные подходы к интерпретации данных понятий, указаны факторы, сближающие два языковых явления: намеренное нарушение языковой нормы; обоим языковым явлениям свойственно быть используемыми для формирования невежливости в несвойственном ей контексте; сообщения с языковой игрой и с неаутентичной невежливостью нацелены на вызов схожих реакций; оба явления встречаются в схожих типах социального контекста. Статья также включает в себя описание результатов лингвистического эксперимента, указывающих на существование связи между языковой игрой и неаутентичной невежливостью.

*Ключевые слова:* прагматика, лингвистическая (не)вежливость, вежливость, невежливость, неаутентичная невежливость, языковая игра.

**Н**еаутентичная невежливость – это использование средств языка, кажущихся грубыми, таким образом, чтобы слушающий не воспринимал это как проявление невежливости, а, наоборот, расценивал как проявление симпатии и солидарности [Bernal, 2008: 782]. Данная речевая стратегия допустима между коммуникантами, находящимися в дружеских близких отношениях, а вербальные элементы грубости в рамках этой стратегии используются в несвойственном им контексте [Леонтьев, 2018: 120]. От настоящей (аутентичной) невежливости данное явление отличает его интенция (говорящий изначально не намеревается оскорбить или задеть собеседника).

Само понятие настоящей/ истинной/ аутентичной невежливости было введено Дж. Кальперером, как и понятие «mock impoliteness», описывающее явление неаутентичной/ притворной невежливости [Culperer, 1996]. Неаутентичная невежливость также описывалась как «banter», или подтрунивание [Leech, 2014: 239], «teasing», или поддразнивание [Naugh, 2017].

Дж. Лич помещает подтрунивание в «[разговорные] принципы второго порядка», куда также входит сарказм (или ирония) [Leech, 2014: 16, 232]. Обе эти речевые стратегии используют принцип вежливости – в том смысле, что он становится основой для создания новой уникальной стратегии, однако прагматические цели использования этих стратегий разные. Сарказм и ирония внешне могут казаться вежливыми при поверхностной интерпретации, но на более «глубоком» уровне, соот-

ветствующем интенциям говорящего, могут быть истолкованы как ликоугрожающий акт, и потому являются проявлениями невежливости [Leech, 2014: 16, 232]. Подтрунивание и поддразнивание, включающее в себя в т.ч. использование инвективной лексики – в любых иных обстоятельствах ставшей бы однозначным индикатором развивающегося конфликта – наоборот, лишь на первый взгляд кажется проявлением невежливости. При правильной интерпретации они воспринимаются иначе. Дж. Лич приводит следующее рациональное обоснование этого явления: «два или более человек, которые находят возможным обмениваться оскорблениями и другими невежливыми замечаниями, и воспринимают это как что-то несерьезное, даже веселое, используют это в качестве инструмента, сигнализирующего о солидарности между ними» [Leech, 2014: 239]. Репарки и обращения, которыми обмениваются вовлеченные в дружеское подтрунивание, слишком рискованны для того, чтобы их использовали коммуниканты, между которыми разница во власти (авторитете) или социальной дистанции слишком велика. Поэтому такой тип коммуникации складывается только между близкими друзьями и товарищами, и не характерен для неравностатусной коммуникации или коммуникации между незнакомцами.

Итак, суть неаутентичной невежливости заключается в том, что внешне грубое и агрессивное речевое поведение может участвовать в проявлении солидарности и создании групповой идентичности [Kecskes, 2014: 216]. Об этом же пишет М. Бернал в работе «Всегда ли оскорбления оскорбляют?»; так же, как Кальперер и Лич, она

подчеркивает, что «mock impoliteness» проявляется там, где уже можно говорить о близкой связи между коммуникантами и высокой степени доверия, и способствует укреплению внутригрупповых связей, развитию чувства солидарности [Bernal, 2008: 793].

Т.Ш. Габдрафикова также относит к неаутентичной невежливости использование грубого речевого поведения по отношению к лицам, не участвующим в коммуникации с целью закрепления солидарности между участниками коммуникации: «Используя стратегию утверждения, коммуникант вносит какую-либо новую информацию, противоречащую взглядам группы или отрицающую ранее представленную информацию. Коммуникант при этом не вступает в открытый конфликт с другими участниками интеракции» [Габдрафикова, 2018]. Это, на первый взгляд, противоречит понятию неаутентичной невежливости и явлениям, описываемым в работах Кальперера и Бернал, т.к. в них подчеркивается безопасность социального лица **собеседника** при кажущейся (*apparent*) невежливости используемых языковых средств [Bernal, 2008: 781-782]; в описываемых Габдрафиковой же случаях мы имеем дело с традиционным использованием невежливых речевых средств, но в сторону третьих лиц, не участвующих в коммуникации и с особым типом интенции, отличающимся и от «дружеского поддразнивания», и от обычной невежливости; эта интенция, действительно, совпадает с интенцией неаутентичной невежливости (повышение солидарности между коммуникантами). Таким образом можно выделить два типа коммуникативной ситуации в рамках неаутентичной невежливости: использование невежливости и грубости для дружеского подтрунивания и использование невежливости и грубости в сторону третьего лица, не участвующего в коммуникации. Нас интересует именно первый тип, в рамках которого можно отметить явное нарушение ожиданий слушающего.

Что же можно сказать о прагматических целях использования языковой игры? Языковая игра (далее – ЯИ) представляет собой «любое преднамеренное нарушение языковых, речевых, коммуникативных, когнитивных норм, преднамеренность которого доказывается путем анализа уровня коммуникативной компетентности автора и выявления его целевой установки» [Захарова, 2016: 218]. Анализ Н.А. Лавровой различных подходов к изучению ЯИ на различном материале в свете ее отношения к норме показывает, что осознанность отклонения от нормы автором ЯИ выделяется в качестве главного условия классификации языкового явления в качестве ЯИ [Лаврова, 2010]. Широко распространена линия интерпретации явления ЯИ как совокупности фактов, имеющих «эстетическое задание» [Земская, 1983: 175], определяющихся по комическому воздействию (Земская, Гридина); в рамках такого взгляда на ЯИ принято говорить об ослаблении содержательной стороны языка [Земская, 1983]. Н.Ю. Тимофеева указывает, что данный взгляд повто-

ряет утверждение Дж. Сёрля об отсутствии какой-либо серьезной пропозиции в явлениях игрового характера [Тимофеева, 2019: 7]. Поэтому довольно долго прагматический потенциал ЯИ фактически отождествлялся с поэтической функцией языка. Сама ЯИ определялась преимущественно по своему комическому воздействию. Таким образом сложилось представление, что в функциональном аспекте ЯИ совершается для собственного осуществления [Тимофеева, 2019: 7].

Однако этот вариант рассмотрения ЯИ, заданный работой Земской, выводившей ЯИ, опираясь на поэтическую функцию языка Якобсона, не единственный. Например, исследование В.В. Химика предлагает взгляд на явление жаргонизации языка как одно из проявлений языковой игры, где просторечие используется для целей снижения, эмоционально-экспрессивного усиления, а также известного упрощения коммуникации [Химик, 1998].

Таким образом, нельзя говорить об абсолютной уступке содержательной стороны высказывания эстетической в ЯИ. Снижение или усиление экспрессивности высказывания, равно как и эстетическая задача, которой может быть наделено высказывание с ЯИ все равно выполняет прагматическую функцию. Тимофеева определяет ЯИ как речевое действие, заключающееся в намеренном отклонении от стандартного использования языка *с целью поддержания коммуникативного контакта* или создания эстетически значимой формы высказывания [Тимофеева, 2019: 8].

В качестве первого фактора, сближающего два рассматриваемых нами явления, отметим наиболее очевидный по предшествующим тезисам: **и ЯИ, и неаутентичная невежливость представляют собой намеренное нарушение коммуникативной нормы.**

Отдельные тезисы, указывающие на связь языковой игры и невежливости, можно найти в соответствующих исследованиях по ЯИ. Так, Санников выделяет дискредитирующую функцию языковой игры, но отмечает, что правильнее будет говорить не о дискредитации (что мы отождествляем с невежливостью в смысле угрозы социальному лицу собеседника), а о т.н. «снижении», поскольку «понятие шутки, бесспорно, включает и случаи дружеского подтрунивания, любовного подшучивания» [Санников, 2002: 26]; иными словами, **ЯИ свойственно быть использованной для формирования невежливости в несвойственном ей контексте, т.е. неаутентичной невежливости.**

Эмоциональные отклики от дешифровки сообщений с ЯИ и неаутентичной невежливостью слушающим, по всей видимости, также совпадают. Дж. Лич характеризует неаутентичную невежливость как тип коммуникативной ситуации, когда коммуниканты воспринима-

ют оскорбления и другие типы невежливого речевого поведения во «как что-то несерьезное, даже веселое, используют это в качестве инструмента, сигнализирующего о солидарности между ними» [Leech, 2014: 239]. Это полностью соответствует тезису о том, что ЯИ в первую очередь определяется по ее комическому воздействию [Гридина, 2008: 19]. Следовательно, **сообщение с ЯИ и сообщение с неаутентичной невежливостью нацелены вызывать один схожий тип реакции.**

Помимо этого, **ЯИ и неаутентичная невежливость требуют схожего социального контекста для эффективного использования.** Это подтверждается данными эксперимента, где мы предлагали респондентам оценить какой из двух вариантов ответа (с ЯИ и без, но с одинаковой основной прагматической задачей) вежливее: например, «спасибо» (нормативный вариант) и «пасибо» (вариант с ЯИ); «вы парковаться вообще умеете?» (нормативный, ожидаемый вариант) и «паркуетесь по слуху?» (вариант с ЯИ).

Варианты ответа с ЯИ респонденты в целом сочли более *невежливыми*, чем нормативные, однако многие ограничили это, указав контекст коммуникации следующими формулировками<sup>1</sup>:

- «невежливо, но если в шутку – нейтрально. В определенных кругах принято так шутить»;
- «вежливо с друзьями и родными в шуточной форме»;
- «если человек говорит в шутку – то вежливо»;
- «невежливо, но в ситуации с друзьями является смешной формой»;
- «с друзьями нейтрально, в отношениях «снизу вверх» – невежливо».

Как видим, респонденты более благосклонно относятся к использованию ЯИ в дружеском, близком контексте. Аналогичный принцип распространяется на неаутентичную невежливость, которая эффективна лишь в уже достаточно близких, дружеских отношениях [Bernal, 2008: 793; Leech, 2014: 239].

Наконец, **ЯИ и неаутентичная невежливость настолько тесно связаны в реальных примерах своей реализации, что их трудно разделить или однозначно отнести лишь к одной категории.** Это можно наблюдать по результатам другого нашего эксперимента.

Исходя из гипотезы, что ЯИ используется для усиления семантики лингвистической (не)вежливости, мы предложили респондентам завершить шесть вариантов диалогов двумя различными способами, с тем условием, чтобы второй вариант ответа сильнее выражал семантику первого. Одним из наблюдений по результатам эксперимента оказался тот факт, что респонденты в ряде слу-

чаев для усиления семантики вежливости формировали именно неаутентичную невежливость, противопоставляя такие варианты нормативным.

Приведем варианты завершения респондентами<sup>2</sup> коммуникации двух студентов, где «проекция» респондента благодарила товарища за конспекты:

1. «👉» / «Ну раз тебе не сложно, будешь всегда скидывать хаха» (второй вариант ответа формально представляет собой речевой акт приказа/ указа с наложением обязательств на слушающего и, как следствие, высокой степенью угрозы; де-факто же речевой акт является ЯИ в форме балагурства, закрепляющей солидарность между коммуникантами);
2. «Ты так добр ко мне всегда!» / «Какой же ужасный у тебя почерк» (мы наблюдаем речевой акт в форме оскорбления, в обычной ситуации атаковавшим бы негативное лицо коммуниканта, в функции дружеского поддразнивания);
3. «Ты просто спаситель!» / «Еще бы в день экзамена их отправил, чего мелочиться» (аналогично первым примерам – накладываемые на слушающего обязательства и угроза его негативному лицу попадают в позицию дружеского поддразнивания);
4. «Заебись щас все сдам» / «Ну конспекты конечно так себе, но выбора нет, пойду помолюсь что ли» (отмечается снижение вежливости и угроза позитивному лицу слушающего – для выражения солидарности между коммуникантами);
5. «Опять почтой России? И сколько мне теперь их ждать?!» / «Пока у тебя нет проблем.. Но потом я не отдам тебе конспекты и у тебя они появятся...» (в данном случае языковая игра уже в форме острофлювия нацелена на достижения комического эффекта за счет пародирования речевых актов выражения недовольства и угрозы в обоих вариантах);
6. «Обращайся если шо, буду у тебя в долгу» / «Не ма за шо» (речевой акт, иронично отключающийся признавать, что слушающий помог говорящему, как следствие – угрожающий его негативному лицу, помещен в позицию более вежливого, нежели стандартное возложение говорящим на себя обязательств по обратной помощи);
7. «Завтра еще ченить попрошу, не теряйся» / «Зачем ты ответил на спасибо дурындос это не по сценарию» (аналогично примеру №5);
8. «: ) : ) ♥♥♥🌸🌸🌸» / «А можешь ещё переписать за меня?» (речевой акт просьбы в данной ситуации обладает высоким уровнем угрозы негативному лицу слушающего – он употреблен вместо ожидаемой в нормативной коммуникации благодарности и накладывает еще больше обязательств; однако по контексту очевидно, что это является не более чем балагурством со стороны

1 Авторские орфография и пунктуация сохранены.

2 Орфография и пунктуация, равно как и лексический состав созданных речевых актов, сохранены в авторском виде.

говорящего и призвано укрепить солидарность между коммуникантами).

Отметим, что **большинством респондентов осознанался факт своеобразного нарушения ожиданий при формировании неаутентичной невежливости**: из восьми полученных ответов с неаутентичной невежливостью лишь два не противопоставлены более нормативному варианту ответа. Причем даже в случаях, когда респондент склонялся к использованию неаутентичной невежливости в обоих вариантах ответа, нельзя с уверенностью говорить о том, что он интуитивно не понимает противопоставленности нормативным вариантам – он мог всего лишь отбросить нормативные варианты еще до первого ответа.

Итак, прагматический выбор коммуниканта, формирующего ЯИ и неаутентичную невежливость во многом схож. Коммуникант:

1. нарушает норму использования речевых средств (слова с инвективной семантикой в неаутентичной невежливости фактически ее лишаются);
2. делает это преднамеренно;
3. создает комический эффект (наблюдается во всех приведенных примерах невежливости и, кроме того, отмечаем исследователями невежливости (см. выше);

Кроме того:

4. Особое прагматическое намерение коммуникан-

та можно доказать путем анализа уровня коммуникативной компетенции автора и выявления его целевой установки (например, в приведенных случаях мы знали, что созданные варианты не могут выражать обычную невежливость, т.к. в установке эксперимента респондентам было указано, что второй вариант должен выражать ту же семантику, что и в первом ответе, но сильнее);

5. Социальный контекст использования ЯИ и неаутентичной невежливости совпадают.

Таким образом, неаутентичная невежливость демонстрирует природную связь с явлением языковой игры. Они наблюдаются в одних и тех же примерах, как на одном, так и на различных языковых уровнях (например, инвективное значение лексемы в составе высказывания, служащее целям неаутентичной невежливости, может формироваться с помощью языковой игры). Они схожи по механизму своего воздействия: и неаутентичная невежливость, и языковая игра действуют как языковые средства, которым свойственно реализовывать невежливость, но которые приобретают способность содействовать реализации категории солидарности в нужных условиях. Они схожи и по социальному контексту своего использования – по результатам эксперимента особо подчеркивали, что те речевые акты с языковой игрой, которые они маркируют как невежливые, могут являться вежливыми в «дружеской переписке», «если обращено к друзьям», если употреблены «в шутку» и т.п.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Габдрафикова Т.Ш. Стратегии неаутентичной речевой агрессии в виртуальной среде // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. №12-3 (90). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-neautentichnoy-rechevoy-agressii-v-virtualnoy-srede> (дата обращения: 21.01.2021).
2. Гридина Т.А. Языковая игра в художественном тексте: [Текст] Монография: Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2008. – 165 с.
3. Захарова М.В. Языковая игра в русской литературе начала XX века // Текст, контекст, интертекст. Сборник научных статей по материалам Международной научной конференции «XIV Виноградовские чтения», 2016(6). С. 217-226.
4. Земская Е.А. Языковая игра / Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова // Русская разговорная речь. – М., 1983. – С. 172–214.
5. Лаврова Н.А. Языковая игра и ее отношение к норме // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-igra-i-ee-otnoshenie-k-norme> (дата обращения: 07.08.2021).
6. Леонтьев В.В. Речевое подтрунивание в русской и английской лингвокультурах // Жанры речи. 2018. № 2 (18). С. 119-126.
7. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. – М.: Языки русской культуры, 2002. – 552 с.
8. Сёрль Дж. Что такое речевой акт? / Дж. Р.Сёрль // Философия языка. – сост. Дж. Р. Сёрль. – Изд. 2-е. – М.: Едиториал УРСС, 2010. – С. 56–75.
9. Тимофеева Н.Ю. Прагматический аспект понятия «языковая игра» // Вестник ВГУ: Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация», №2. – М., 2019. – С. 5-9.
10. Химик В.В. Современное русское просторечие как динамическая система // Сборник статей «Стилистическая система русского языка». - СПб., 1998. - С. 5-15.
11. Bernal M. Do Insults Always Insult? Genuine Impoliteness versus Non-genuine Impoliteness in Colloquial Spanish // Pragmatics. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2008. – P. 775-802.
12. Culperer J. Toward an Anatomy of Impoliteness // Journal of Pragmatics, 1996. Vol. 25(3). – P. 349-367.
13. Kecskes I. Intercultural Pragmatics. – New York: Oxford University Press. 2014. – vii + 277 pp.
14. Haugh M. Teasing // The Routledge Handbook of Language and Humor. – New York, NY: Routledge, 2017. – P. 204-218.
15. Leech G.N. The pragmatics of politeness. – Oxford: Oxford University Press, 2014. – 368 p.

© Баев Евгений Владимирович (BaevEV@mgpu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»